

Михаил Люстров. Придворная карьера барона Шредера: шведские фантазии и российская реальность	297
Алексей Балакин. Гончаров и семья Ординых (новые материалы)	306
Кирилл Зубков. «Обломовщина»: рецепция романа и история слова	318
Мария Куриленко. «Дон Жуан в Египте» Н. С. Гумилева: комментарий к пьесе	341
Александр Кобринский. Александр Туфанов в издательстве «Прибой»: заметки к биографии	349
Юлия Козицкая. «Казахский Маяковский» Сабит Муканов: комментарий к одному стихотворению	363
Анна Рассадина. «Про дурачка» Егора Летова: мотивный анализ синтетического текста	376
Указатель имен	387
Указатель статей, опубликованных в журнале «Летняя школа по русской литературе» в 2017 году	401

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

2017 XIII (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2017 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

Сдано в печать 22 января 2018 года

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2017

© «Летняя школа по русской литературе», 2017

Информация об авторах

Михаил Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН, Москва, Россия
mlustrov@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Кирилл Зубков, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета; младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
k_zubkov@inbox.ru

Мария Куриленко, магистрант Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия
mashatext@yandex.ru

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
444-44-4@list.ru

Юлия Козицкая, аспирант национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
julia.murafa@gmail.com

Анна Рассадина, магистрант Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия
annetrassadina13@mail.ru

АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН
(Санкт-Петербург)

ГОНЧАРОВ И СЕМЬЯ ОРДИНЫХ (*Новые материалы*)

В статье впервые вводится в научный оборот недавно обнаруженный в Рукописном отделе Пушкинского Дома мемуарный очерк о И. А. Гончарове, принадлежащий перу Б. К. Ордина, сына близких знакомых писателя в 1860–1870-е годы.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, К. Ф. Ордин, мемуаристика.

In this article was introduced into scientific circulation the memoir essay about I. A. Goncharov by B. K. Ordin, the son of close friend of the writer in the 1860s-1870s, major official K. F. Ordin. This manuscript was recently discovered in the archives of the Pushkin House.

Key words: I. A. Goncharov, K. F. Ordin, memoirs.

В 1969 году в серии литературных мемуаров издательства «Художественная литература» вышла из печати книга «И. А. Гончаров в воспоминаниях современников», подготовленная А. Д. Алексеевым и О. А. Демиховской. Прошло почти полвека, но до сих пор она остается самой тонкой среди объемных и нередко двухтомных сборников воспоминаний о том или ином писателе этой серии. Если отбросить вступительную статью и примечания, то можно увидеть, что собственно мемуары об авторе «Обломова» занимают в ней немногим более 200 страниц.

Этот факт не должен вызывать удивления. Гончаров никогда не был открыт для общения и вел достаточно замкнутый образ жизни. К старости у него развилась болезненная подозрительность, писатель оборвал почти все литературные связи и регулярное общение поддерживал лишь с людьми, близкими к редакции журнала «Вестник Европы». Круг его знакомств в эти годы составляли в основном крупные чиновники (и их жены) и лица, приближенные ко Двору. Эти люди не оставили мемуаров и не слишком тщательно хранили адресованные к ним письма писателя, поэтому

о последних двадцати годах его жизни до нас дошло очень немного свидетельств.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся две рукописи, мимо которых прошли биографы Гончарова. Обе они принадлежат Борису Кесаревичу Ордину (1866 — после 1935):¹ это мемуарный очерк «И. А. Гончаров в семейных воспоминаниях и письмах К. Ф. и С. А. Ординых»² и биография его отца Кесаря Филипповича Ордина, обрывающаяся на главе «Путешествие за границу с И. А. Гончаровым в 1872 году».³

О дружбе Гончарова и Кесаря Филипповича Ордина (1836–1892)⁴ было известно давно. Сохранилось тринадцать писем и записок Гончарова к Ордину и его жене за 1866–1878 годы, которые в 1920-х годах Б. К. Ордин передал в Публичную библиотеку, снабдив их развернутыми примечаниями. И гончаровские письма, и примечания Ордина впервые были введены в научный оборот А. Д. Алексеевым, который учел их в своей «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» (М.; Л., 1960). Сейчас эти письма по большей части напечатаны,⁵ в примечаниях к публикациям

¹ Биографические сведения о нем см.: *Шилов Л. А.* Ордин Борис Кесаревич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 476–478.

² ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. Ед. хр. 366. Этот очерк будет полностью опубликован в нашей книге «Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова», которая готовится к печати.

³ Там же. Оп. 21. Ед. хр. 164. Глава о Гончарове в сокращении опубликована нами (см.: *Балакин А. Ю.* И. А. Гончаров в письмах К. Ф. Ордина к жене (1872) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 3. С. 115–137).

⁴ О нем см.: *А. В. Ордин Кесарь Филиппович* // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [12:] Обезьянинов–Очкин. С. 280–281; *Барышников В. Н.* 1) Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции (11–12 апреля 2012 г.). СПб., 2013. С. 12–24; 2) Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // *Journal of modern russian history and historiography*. 2014. № 7. Р. 109–110.

⁵ См.: Неизданные письма И. А. Гончарова / Публ. Р. Б. Заборовой // Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. Т. 11 (14). С. 158–161; *Иванов К. Е.* Неизданные письма И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 146–149.

учтены материалы Ордина. В последние годы отношениям Гончарова и Ординых посвятил несколько статей В. И. Мельник (вернее, несколько раз перепечатал одну статью с небольшими вариациями), где пересказал уже известные по предыдущим публикациям факты.

К. Ф. Ордин познакомился с автором «Обломова» еще в начале 1860-х годов. К этому моменту он служил начальником отделения канцелярии военного генерал-губернатора, через несколько лет стал правителем дел Попечительного Совета учреждений общественного призрения в Санкт-Петербурге; впоследствии им была издана книга — история этого совета,¹ которую сочувственно отрецензировал Гончаров. В начале 1870-х годов Ордину был пожалован чин действительного статского советника, тогда же он стал камергером Высочайшего Двора. По словам современного историка, «это означало, что он уже переходил в касту российского чиновничества, которое, как считалось, могло определять курс политики государства».²

Б. К. Ордин так писал о своем отце:

Кесарь Филиппович Ордин, отлично кончивший курс наук по физико-математическому факультету С.-Петербургского университета, пополнил университетское образование частью путешествиями, частью самообразованием, и к годам зрелости был редко и многосторонне образованным человеком. Он знаком был с древними языками, из новых владел свободно французским и немецким, говорил по-английски и мог хорошо читать по-итальянски и по-шведски. Он превосходно владел пером, прекрасно рисовал масляными красками и, обладая приятным баритоном, умел петь и себе аккомпанировать. Он прекрасно знал математику и, как показала его деятельность, был отличным администратором, строителем и выдающимся историческим писателем. <...> Исторические труды по истории покорения и управления Финляндией, поставившие К. Ф. Ордина во главу русской школы писателей по финляндскому вопросу, выдвинули его имя уже в конце жизни И. А. Гончарова.

¹ См.: Ордин К. Ф. Попечительный Совет заведений общественного призрения в С.-Петербурге: Очерк деятельности за пятьдесят лет. 1828–1878. СПб., 1878.

² Барышников В. Н. Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений. С. 17.

<...> В течение 21 года, до 1886 года, он был управляющим делами и деятельнейшим членом Попечительного Совета заведений общественного призрения в Петербурге и, по официальному отзыву, был главным помощником высоко стоявших в тогдашнем обществе председателей названного Совета... <...> Вместе со званием Члена Совета К. Ф. Ордин много лет нес тяжелые обязанности Попечителя многих больниц и заведений, из которых особенно много ему обязаны Обуховские мужская и женская больницы, дом для душевнобольных во имя Св. Николая Чудотворца, на углу рр. Мойки и Пряжки... <...>

Еще совершенно молодым человеком, в 1867 г. К. Ф. Ордин стал лично известен тогдашнему наследнику престола, Императору Александру Александровичу, будучи назначен делопроизводителем Комиссии, образованной под председательством наследника цесаревича «по случаю неурожая хлебов».

К. Ф. Ордин, отличавшийся особенно редкою среди русских стойкостью и шедшим до самоотвержения бескорыстием, приобрел глубокое уважение Императора Александра III, который, по словам близкого к нему министра Двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, высоко ставил его рыцарское благородство и кристальную честность его души. В те годы его блестящая и самоотверженная деятельность была отмечена, казалось, обещавшими ему успешную карьеру наградами: в 1871 году, т. е. тридцати пяти лет от роду, он был уже камергером и действительным статским советником.

Но его прямота, непоколебимая верность своим убеждениям, ненависть к бюрократическим компромиссам и открыто русская точка зрения, особенно ярко выразившаяся в трудах по финляндскому вопросу, совершенно разбили его карьеру, а усиленные труды, огорчения и неприятности, усугубленные травлей финляндских шовинистов и их русских покровителей, <...> совершенно разбили его здоровье, сокрушили силы, и он скончался от разрыва сосудов мозга 5 июня 1892 г. Он до конца жизни был попечителем богадельни в память Цесаревича Николая Александровича и состоял гофмейстером высочайшего двора.¹

Мемуарный очерк делится на три части. Первая часть — это справки по истории семей родителей Ордина и детские воспоминания о Гончарове самого Бориса Кесаревича. Следует

¹ РНБ. Ф. 209. Ед. хр. 22. II пачка. Л. 2 об. — 4 (листы нумерованы в неправильном порядке).

помнить, что это, во-первых, взгляд ребенка, которому было в то время около шести лет, а во-вторых, что он вспоминает о том, что происходило более полувека назад. Он ясно помнит свои эмоции, ощущения, фрагменты фраз, но допускает невольные смещения во времени и анахронизмы.

Вот его впечатление от облика писателя:

Мне живо видится плотная фигура Гончарова в темно-серой визитке с искрой, его мягкое по очертаниям лицо с короткими бачками, его серые, шутливо улыбающиеся глаза и слышатся его медлительно произносимые слова, дразнящие матушку и тем задевавшие нас: «Ну, к чему вы дали такие имена? Boris, Serge, Georges!» (Он, чтобы поддразнивать матушку, произносил эти имена, как произносят их французы — тогда ведь французский язык был очень распространен в обществе.) Моя мать живо протестовала, говоря, что это прекрасные простые русские имена, чего же лучше?! «Ну, а как же, по-вашему, следовало назвать моих сыновей?» — спрашивала она. Он с деланною серьезностью отвечал: «Я бы назвал старшего Прохором, а второго Никанором. Вот настоящие русские имена. Помните, семь дьяконов: Прохор, Никанор, Степан и Пармен и т. д.» И с тех пор при каждой встрече он смущал нас, тогда маленьких и робких, вопросом о том, кто из нас Прохорושка, а кто Никанорושка.

Интересны его впечатления от домашней обстановки Гончарова:

Мне приходилось иногда, по поручению матушки или отца, заходить к нему на Моховую. Как-то неуютно была обставлена его холостяцкая жизнь. Начиная с входа к нему. Приходилось входить из-под полутемной подворотни. Две-три ступеньки приводили в его небольшую квартиру, состоявшую из трех-четырех маленьких комнаток. Всюду было как-то не вполне светло и как-то не то пыльно, не то неприбрано. Слуга его, живший с семьей своей в его квартире, более заботился о себе, чем о барине. Небритый, в довольно поношенном и засаленном пиджаке, он производил впечатление человека, всегда недовольного Гончаровым, который точно не исполнял его требований. Иван Александрович баловал дочку этого лакея, девочку довольно неказистую и несимпатичную по виду, а отец ее без конца эксплуатировал доброту или слабость Гончарова.¹ Обстановка,

¹ Имеются в виду К. Л. Трейгут и его старшая дочка Саша.

в которой жил Гончаров, не могла содействовать бодрости и радости настроения, она точно обволакивала входившего и, конечно, жившего в ней скукою, тоскою, угнетала душу самым видом запущенности.

Неточность Ордина особенно ярко проявляется в рассказе о любимой собаке Гончарова Мимишке. Это была небольшая собачка, которую приблизительно в 1857 году купил у мальчишек на улице племянник Гончарова и подарил ее дяде. Тот к ней очень привязался и постоянно носил с собой за пазухой. Мимишка околела 17 февраля 1872 года, однако Ордин относит эту дату к более позднему времени:

В 1880 году мы с братом Сергеем поступили в 3^{ью} классическую гимназию, помещавшуюся на Гагаринской улице, а И. А. Гончаров жил все в том же доме <...> по Моховой улице. Около трех часов дня, когда кончались классные занятия и гимназисты возвращались по домам, Гончаров в сопровождении своей любимой собачки «Мимишки», шел сам за булками в булочную <...>. В статском пальто, в форменной фуражке с черным бархатным околышем, заложив назад руки и держа в них бумажный пакетик с купленными булками, медленным шагом возвращался он домой. «Мимишка», а часто и другие собаки, с величайшим любопытством, прискакивая, обнюхивали соблазнительное содержимое пакета и видимо наслаждались ароматом горячего хлеба и сливочных сухариков, которые он очень любил. <...> Помню разговоры о том, как горевал Гончаров, когда умерла его «Мимишка». Он так скорбел, точно он потерял любимого ребенка. Он заказал ей гробик и похоронил ее во дворе, закопав под большим развесистым вязом или кленом, который в то время возвышался среди двора. Под деревом стояла скамейка, на которой он сиживал и воздыхал об утраченной привязанности.

Вторая часть очерка, его смысловое ядро — это выписки из писем Кесаря Филипповича к жене Софье Алексеевне из заграничного путешествия, в которое он отправился вместе с Гончаровым летом 1872 года, с небольшими поясняющими вставками автора. Глава книги Б. К. Ордина о зарубежной поездке его отца с Гончаровым основана на тех же самых письмах, однако выписки приведены более обширные, чем в статье. Подлинники писем пропали, поэтому эти выписки

приобретают характер первоисточника, хотя они сделаны не с дипломатической точностью: тексты писем в очерке и в книге иногда незначительно расходятся, и не всегда понятно, где именно допущена ошибка.

Само путешествие продлилось около полутора месяцев. За это время Гончаров и Ордин посетили Берлин и Дрезден, затем месяц провели на водах в Мариенбаде, откуда отправились через Франкфурт и Кельн в Париж. Отовсюду Ордин отправлял жене длинные, развернутые письма. Судя по ним, супруги друг друга просто боготворили и старались писать максимально подробно и часто (над чем подтрунивал холостяк Гончаров). Ордин тщательно и неторопливо описывал свое путешествие, различные бытовые происшествия, разговоры с Гончаровым, которые, судя по всему, сводились к одному — «коварству» и «интригам» Тургенева:

Темы были разные; но в начале преобладала тема на известный минорный тон, повторенная не раз и не два. В дальнейшем я уже перестал выражать даже какое-нибудь сочувствие этой теме, и она как-то погладилась, уступив место другим.

За время поездки Гончаров сильно утомил своего спутника этой темой, и в письмах все чаще и все больше рассказывает раздражение:

...я выслушивал все эти жалобы, сетования, колебания с терпением... Мне жаль его, капризы его выношу безропотно, но упадок нерв действует на меня невозможно гадко.

Он так расстроен нервами, что при всем моем к нему сочувствии, я скоро решительно не буду в состоянии быть с ним.

Иван Александрович, когда застает меня за письмом, все подсмеивается: «Вы о чувствах что ли пишете?!» Да, теперь ему уже трудно усвоить понятие о необходимости в жизни такой привязанности, какую я к Тебе счастлив. У него какие-то свои, полустарческие, холостяцкие теории.

В одном письме из Мариенбада рассказывается о своеобразной шутке Гончарова:

Сегодня, только что возвратился с promenade'ы утром и стал кипятить себе воду для чая, как стук-стук в дверь

«Herein!» Входит Marie, девушка из одной лавки, где мы с И. А. кое-что покупаем, и подает мне прекрасный букет из роз с резедой в кружевной обложке, все как бы должно. «Откуда это? Вы, вероятно, ошиблись, у меня нет никого знакомых здесь!» «Nein, mein Herr, ich weiss nichts davon; ich weiss nur dass zwei sehr schöne israelitische Damen empfehlen sich Ihnen und schiken dies Bouquet!»¹ Можешь себе представить! «Да кто такие?» «Ich weiss nicht, zwei schöne israelitische Damen»² Каково, а? Israelitische... Недаром, верно, в прошедшем письме я похвалил тебе евреек отчасти... Ну, что же, пушай себе стоит букет! Двадцать полураспустившихся роз, да резеда наполняет комнату «благоуханием», как говорит Никитенко... И<ван> А<лек>сандрович говорит: «Шлю Софье Алексеевне³ телеграмму самую лаконическую: „Спасайте, на краю гибели, хочет даже переменить христианскую веру“» и тому подобный вздор. Оказывается, с букетом подшутил И. А., о чем я и догадывался.

Известно, как Гончаров любил комфорт и старался быть верен себе, даже будучи в путешествии:

У нас решено было ехать прямо, не останавливаясь в Кёльне, а он (т. е. И. А. Гончаров), проехав по Рейну, стал томиться до невозможности... «Вот, в Кёльне, лучше бы ночку-то проспать хорошенько в hôtel'e», да и «У меня что-то руки начинают побаливать», да «Приедем мы завтра совсем изломанные», да «Вот чайку бы тогда хорошенько напились» и прочее, и прочее, всё в этом роде». В таких случаях Кесарь Филиппович взял себе за правило упорно молчать. Гончаров охал: «Ну, вот, мы опаздываем, мы очень опаздываем; тот поезд наверное уж уйдет, а не то так едва успеем место занять; где же тут поесть и чаю попить!» — восклицал он. Наконец приехали в Кёльн. Суматоха, беготня, множество поездов, едва светло от фонарей (11-ый час вечера). «Долго ли остаемся?» — «Paar Minuten». Я складываю свои пожитки, вылезая и бегу искать: «wo ist der Zug nach Paris?» Нашел, водворяюсь; за мной и Иван Александрович, кричит, бранится, весь — гнев и досада, к тому же еще мы не вдвоем: с нами третий господин. Однако ему, т. е. Ивану Александровичу, необходимо удалиться, и он, оставив нас настороже, бежит. Я жду, стою, сижу, похаживаю; проходит

¹ «Нет, сударь, я ничего об этом не знаю; я знаю только, что две очень красивые дамы еврейки кланяются Вам и посылают этот букет» (нем.).

² «Я не знаю, две красивые дамы еврейки» (нем.).

³ Жена Ордина.

малая толика времени; начинают запирать вагоны. Вдруг Иван Александрович, весь сияющий: «А я ведь успел, — говорит он веселый и радостный, — и чайку выпить, и всё, и вот, смотрите-ка еще чего добыл: это нам на дорогу ужин. Каков дышленок!? а?! Одни восторги! А вот и хлеб, pain de famille, и соль есть, всё. Поедим всласть. Уж придется руками рвать, ну да ничего...» и т. д., и т. д. Вот Тебе один из тысячи более или менее похожих один на другой эпизодов.

В заключительной части очерка Ордин со слов матери рассказывает о двух эпизодах, якобы случившихся во время той поездки.

И. А. Гончаров, которому тогда было уже 60 лет, любил плакаться и говорить о том, как в России его мало ценят, как мало вообще интересуются литературой. Русским невежеству и нелюбознательности он противопоставлял немецкие культурность и литературную образованность. Разговорившись как-то на эту тему, Гончаров повел моего отца в табачный магазин, говоря, что он своими глазами и ушами убедится в том, как его знают и чтут даже лавочники-немцы за его литературные заслуги.

Входят в магазин. Пожилой сухопарый приказчик вежливо им кланяется — и спрашивает, что им угодно. Но никаких признаков радости от лицецерения великого Гончарова не проявляет. Иван Александрович — и так, и сяк. Ничего не выходит. Начав с расспросов о табаке и сигарах, Гончаров наводит разговор на литературные темы. Но лавочник не догадывается. Наконец, теряя терпенье и конфузясь перед спутником, Гончаров называет имевший в Германии успех свой роман «Обломов». Немец, чувствовавший, что он что-то должен признать в беседе, с радостью восклицает: «Ah, Herr Obmoloff, Herr Obmoloff!» — с ударением на первом слове <sic!> и с перестановкою букв «л» и «м».

Раздосадованный и смущенный Гончаров разъясняет ему его ошибку и недовольный уходит из магазина, сетуя на немецкую тупость.

Об этом происшествии он вспоминает и в книге, описывая его немного иначе, чем в очерке. Другой рассказанный Ординым случай произошел в Париже; именно он позволяет нам оценить достоверность мемуариста:

Гончаров уверил отца, что о гостинице беспокоиться нечего, что он телеграфировал заблаговременно и что

там за ним ухаживают самым предупредительным образом.

Приехали в Париж; со станции взяли карету-фиакр. Приближаясь к гостинице, Гончаров начинает любопытствовать, выглядывает в окно и не без торжества обращает внимание спутника на необычайные приготовления. На ступенях подъезда раскинут великолепный ковер, поставлены живописные экзотические растения — пальмы и латании, — нарядная прислуга суетится и сам владелец отеля нервно прохаживается в цилиндре, во фраке и белом галстуке. Гончаров, весьма польщенный, не без гордости толкает в бок Кесаря Филипповича и обращает его внимание на весь этот парад.

Экипаж останавливается, они выходят... И что же? Не только никто не приветствует знаменитого клиента, но даже, по-видимому, на обоих приезжих смотрят как на причиняющих доuku, и директор отеля торопит слуг, чтобы они скорее уносили их вещи и уводили их в контору для выбора номеров.

Тогда удивленный и недоумевающий Гончаров говорит директору, что номера должны быть оставлены, так как он заранее телеграфировал, и кстати спрашивает, что же значат эти приготовления и ожидания. Тот, спеша отбояриться от него, скороговоркою объясняет, что они ждут с минуты на минуту приезда канцлера князя Горчакова, который им телеграфировал с пути о приготовлении ему помещения. В то время имя светлейшего князя Горчакова в Париже могло служить великолепною рекламою для гостиницы. Живо можно себе представить все разочарование легковверного хозяина отеля, когда выяснилось, что его восторги ожидания вызвал телеграфист, исказивший фамилию и сделавший из Гончарова — Горчакова.

Однако нам известно, что этот забавный эпизод случился во время другого, более раннего визита Гончарова в Париж. О нем вкратце поведал сам писатель в письме к Стасюлевичу от 19 июля 1868 года:

Сюда я приехал под именем Горчакова; ведь иностранному уху это звучит все равно. В Висбадене, больше от праздности, так как я рано до поезда приехал, послал я сюда телеграмму в свою отель, чтобы оставили мне мою комнату. Они уже знают какую. Приезжаю, а они и не думали. «Что же? а депешу получили?» «Так это — вы?» с вытянутым лицом говорят они. (Можете себе представить, каким оскорбительным тоном сказано было: *C'est Vous!*

<...>). Это была первая минута, когда мне сделалось не то что весело, а смешно, потому что хозяева, кажется, уж и танцоров со щетками пригласили гладить полы в большой квартире.¹

И хотя цитированное письмо к моменту создания очерка Ордина-сына было уже опубликовано, едва ли он был с ним знаком. Очевидно, Борис Кесаревич слышал про этот случай от родителей, но ошибочно связал его с поездкой 1872 года. И хотя в главном мемуарист ошибся, но это скорее свидетельство его добросовестности, а не желания ввести читателей в заблуждение. Трудно спустя полвека вспомнить точную дату того или иного события, но мелкие детали нередко помнятся достоверно и ясно.

И мемуарный очерк Ордина, и глава из книги займут свое место в небогатой мемуарной литературе о Гончарове. Несомненно, самое ценное в них — это письма. Прежде всего, они много добавляют к новой «Летописи жизни и творчества Гончарова»: это сведения о перемещениях писателя, о посещениях им музеев и театров, о встречах с отдыхающими в Мариенбаде соотечественниками. Но главное — они доносят до нас характер и настроения писателя, то, что не могут отразить самые подробные, честные и добросовестные мемуары. Создается замечательная «иллюзия присутствия», что возможно только благодаря отсутствию временной дистанции между фактом и документальной фиксацией его на бумаге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. А. В. Ордин Кесарь Филиппович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [12:] Обезьянинов–Очкин. С. 280–281.
2. Балакин А. Ю. И. А. Гончаров в письмах К. Ф. Ордина к жене (1872) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 3. С. 115–137.
3. Барышников В. Н. Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Journal of modern russian history and historiography. 2014. № 7. P. 109–110.

¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 37.

4. *Барышников В. Н.* Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции (11–12 апреля 2012 г.). СПб., 2013. С. 12–24.
5. *Иванов К. Е.* Неизданные письма И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 146–149.
6. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4.
7. Неизданные письма И. А. Гончарова / Публ. Р. Б. Заборовой // Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. Т. 11 (14). С. 158–161.
8. *Ордин К. Ф.* Попечительный Совет заведений общественного призрения в С.-Петербурге: Очерк деятельности за пятьдесят лет. 1828–1878. СПб., 1878.
9. *Шилов Л. А.* Ордин Борис Кесаревич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 476–478.